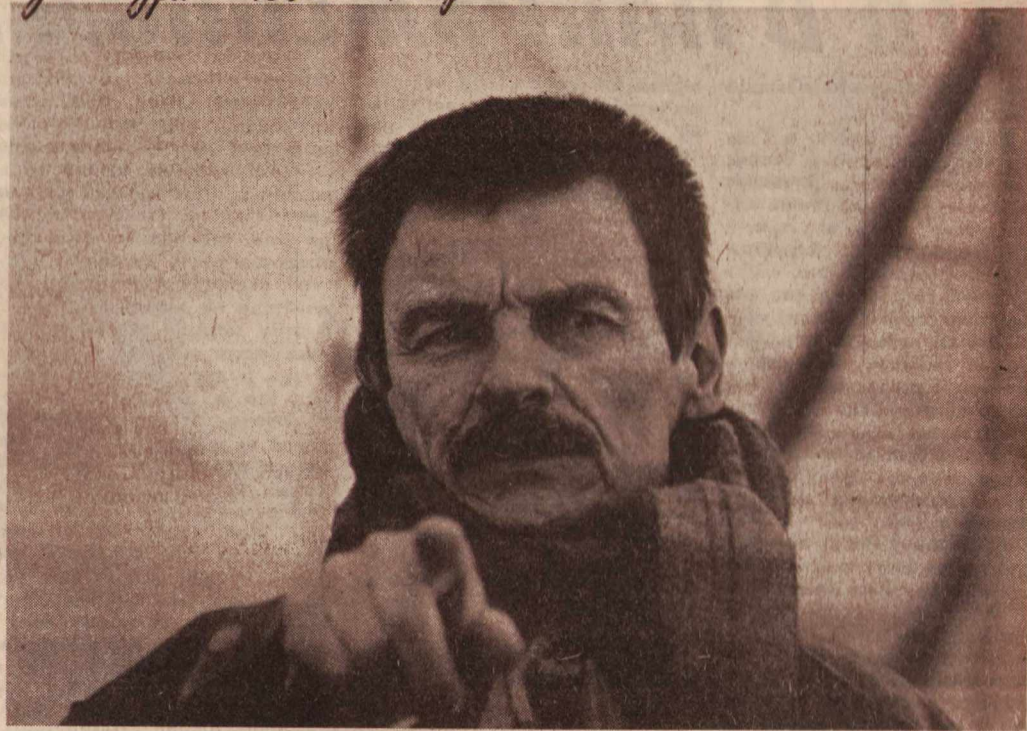

Культура. — 1992. — Част. — С. 6.

...Не помню сейчас, как появился у нас в московской квартире Андрей Тарковский. Судя по всему, в дни хрущевской «оттепели». Но судьбе было угодно, чтобы мы познакомились. Более того, судьбе было угодно, чтобы мы родились в один день. Вероятно, его привел к нам драматург Александр Мишарин, в те времена да и по сей день наш добрый друг Саша. Зато помню отчетливо, как Андрей пришел знакомить нас со своей женой Ириной. Время для знакомства было самое неподходящее — я болел тогда детской болезнью «свинкой»,

ДАЙ БОГ ЕГО МЯТУЩЕЙСЯ ДУШЕ

заразившись от своих сыновей. Физиономию раздуло. В скуластости я тогда значительно превзошел Андрея. Стоически переносил безумную боль. Может быть, именно тогда, глядя на мои мучения, ему в голову пришла мысль предложить мне роль Христа в эпизоде «Несение креста» в «Рублеве».

В те незабвенные шестидесятые мы встречались часто. Дружеские встречи дома по праздникам и без повода. С скромные застолья в складчину в Доме литераторов. Совместные читки прозы, стихов, сценариев друзей и знакомых. Андрей готовился к съемкам фильма «Андрей Рублев». Я учил старославянский и выискивал в древних рукописях материалы для графической серии «Герои русского народа XIII—XV веков», одним из персонажей которой также был Андрей Рублев. Наши поиски пересекались.

Мы с женой предложили Тарковским поселиться в Абрамцево. Это была великолепная идея, как потом не раз говорил Андрей. Святые места! Рукой подать — древний Радонеж, Сергиев Посад, Дмитров. Более приближенная по времени история — усадьба Абрамцево с ее знаменитыми хозяевами и гостями...

Приезжал в Абрамцево и наш друг, замечательный оператор Вадим Юсов, и мы вместе с Андреем втроем гуляли по окрестным полям и лесам. Ходили пешком к древнему Радонежу, куда в XIV веке родители преподобного Сергия Радонежского переселились из Ростова Великого. Бродили по холмистым берегам речушки Пажи, где отрок Варфоломей пас лошадей и, заблудившись, однажды имел чудесное видение. Мемориальная доска на церкви в Радонеже утверждала, что там родился Андрей Рублев. Так ли это? Кто знает...

Мы входили в стелющуюся пелену вечернего тумана. Андрей с Вадимом останавливались и следили, как я углублялся в это прохладное белое марево, где на фоне вечернего черного леса светлели размытые силуэты пасущихся лошадей. Что-то обсуждали, решая будущий фильм. Мы сходились снова... И вдруг Андрей изрекает:

— На поле из леса выскакивают дружинники в кольчугах с копьями. Стопят коней. Съезжаются в круг и... закуривают «Беломор». Ну как, старички?

Странновато, но он любил это жаргонное обращение.

Или, увидев стальные опоры электропередачи, изуродовавшие окрестности древнего города:

— Есть вариант: дружинники скачут на фоне высоковольтной передачи. Монументальная длинная панорама. Как думаете, неплохо?

Что это были за игры? Попытки раскатать фантазию и без того безудержную? Или просто шуточки гения? Сейчас, задним числом, можно придумать какое-либо мудреное объяснение. Не берусь ни придумывать, ни судить.

Вечерами обычно собирались у нас на даче. За столом пили чай и спиртное тоже, обсуждали новости, спорили.

Наши споры порой доходили до тупиковой ситуации. Меня коробила в позиции Андрея по поводу его фильма некая, как мне казалось тогда, нарочитая, подчеркнутая жестокость в отдельных новеллах сценария. Спорили мы по ходу работы над сценарием, над отдельными эпизодами. Вероятно, когда фильм уже был снят, и споров бы не было. Но тогда... решили померяться силами.

Был поздний вечер. Мы вышли в темноту за ворота. Уговор был такой: оторвать спорщика от земли и поднять над головой на вытянутых руках. Надо сказать, мы оба тогда отнюдь не были тяжеловедами, но все же я имел некоторое преимущество и в весе, и в росте, и был уверен в успехе. Несмотря на упорное сопротивление Андрея, я оторвал его от земли, но, когда пытался поднять, что-то хрустнуло в колене, и я с дикой болью и проклятиями ретировался в дом. Наутро выяснилось, что у меня оборван мениск, и от паха до пятки ногу загипсовали. Ноша оказалась явно не по плечам.

Андрей искренне переживал случившееся, чего я, честно говоря, совсем от него не ожидал, привыкнув за годы знакомства к некоему эгоцентризму нашего Богом данного приятеля. Он навещал меня ежедневно и разрисовывал всю загипсованную ногу цветными фломастерами различными картинками с покаянными подписями и с титулом в намерении гипса: «Беру вину на себя, Андрей Тарковский».

Когда спустя полтора месяца гипс сняли, врачи поликлиники попросили этот сувенир на память и будто бы распилили его на куски по сюжетам. Произошло, как сказал хирург, чудо — мениск сросся.

После повторной женитьбы Андрея судьба развела нас. Мы часто пересекались в общественных местах, в гостях у общих знакомых, на премьерах фильмов Андрея. Говорили по телефону. Но по сути встретились лишь дважды.

Как-то зимой мы жили в Абрамцево. У нас были гости. И вдруг вечером, совсем поздно, раздался стук в дверь. Вошел Андрей. Одет он был, как всегда, элегантно. Какой-то неимоверный шарф через плечо, огромный яркий свитер под пиджонской курткой. Вошел так, как бывало прежде, запросто, без каких-либо слов объяснения позднего неожиданного визита. Сел за стол. Был в меру общителен с нашими гостями, что говорило о добром настроении его души, так как он обладал уникальной способностью не замечать, порой демонстративно, людей, которые в данный момент для него не интересны. Остался ночевать.

Утром попросил меня пойти с ним на охоту. Прежде идея отправиться куда-либо в дикий угол охотиться возникала у нас. Андрей не был охотником. Но для меня охота — это некое действо, ритуал в конце концов. Да и зимой нужна соответствующая одежда, не говоря уж о ружье, которое осталось в Москве.

Пошли гулять. После сильных морозов резко потеплело. Все вокруг оделось инеем. Заросли ольшаника, березовый лес, прошлогодняя трава запушились серебром. Лишь темные ели, словно вежи, рисовали пространство в серебряной скани инея. Прошли абрамцев-

скую усадьбу, усадебный парк и вышли в поля. Миновали глубокий овраг и возле дороги увидели мышкующую лисицу. Рыжая красавица среди окружающей белизны воспринималась как некое чудо. Она была так увлечена своим занятием, что подпустила нас совсем близко.

— Вот и поохотились, — сказал Андрей. — Какое чудо. — Продолжил он, как бы вторя моим мыслям. — Посмотри, как хороши сороки среди инея. Питер Брейгель... Наши скромные северные павлины. Какое чудо! — И после паузы. — Так хотелось вернуться к знакомым... местам.

«Сороки. Иней» так называлась литография, которую я сделал много лет спустя. Эту работу Андрею уже не довелось увидеть, что же касается моей гравюры «Андрей Рублев» из серии «Герои русского народа XIII—XV веков», то, вероятно, решение образа его не устраивало. По крайней мере он никак не высказывался на этот счет. А вот руки Рублева...

— Да, это ты здорово придумал с руками. Одна рука держит свечу, другая прикрывает трепетный огонь. Совсем неплохо. Об этом надо подумать, старичок. Ты уж прости...

Не знаю, вспомнил ли он эти руки в «Ностальгии». Да и кто теперь узнает?

Осенью 1983 года мы с женой приехали на виллу Абамелек — дачу Академии художеств в Италии. Первым делом попросили посольского чиновника, жившего по соседству, связать нас с Андреем Тарковским, который жил в то время в Риме. Он обещал нам помочь в этом, но спросил как бы незначай, вызовет ли встреча с нами радость у Тарковского. Я, как-то не задумываясь, ответил утвердительно. В этот день мы отправлялись на север Италии, а к нашему возвращению наш сосед, явно обрадованный моим ответом, обещал разыскать Андрея.

Так почему же я так уверенно утвердительно ответил на поставленный вопрос? Так ли это все на самом деле?

Последний раз Андрей появился у нас в Москве незадолго до своего отъезда за рубеж. Так же неожиданно, как и прежде зимой в Абрамцево. Без телефонного звонка. Уверенно. В середине дня, когда обычно меня не бывает дома. Позвонил в дверь и сказал:

— Привет. Это я. Мы много лет не виделись. Для меня его посещение было неожиданным, и не скажу, чтобы радостным. Мне казалось, что окончательно оборвались хрупкие нити простоты, естественности общения, связывавшие нас прежде. Предполагая, что разговор будет трудным, я предложил для разгона выпить по рюмке. Но Андрей наотрез отказался.

Налил себе водки. Выпил. Помолчали. Налил еще раз. Посмотрел на Андрея. Он грустно улыбнулся.

— Налей немножко. Мы выпили. Много выпили. Вспоминали добрые прошедшие годы, молодость, надежды, знакомых.

Как я потом понял, он прощался — не со мной, а с той жизнью здесь, в России, частью которой был наш дом.

Дай Бог его мятущейся душе упокоения в лучшем мире.

Алексей ШМАРИНОВ.